

К Р О К О Д И Л

— Где же кооперация? Меня ещё в прошлом месяце должны были заготовить как яйцо!

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПЛОХИХ ПРИВЫЧКАХ

ВОЛЬТЕР справедливо сказал:
«Люди не испытывают угрызений совести от вещей, вошедших у них в привычку».

А один мой знакомый старичок говаривал:

— Не дай бог, чтоб случилось то, к чему слабый человек не может привыкнуть...

Вот послушайте, к примеру, к чему приноровились некоторые люди, обитающие в Москве, на Курском вокзале. Приходит на Курский вокзал подполковник А. С. Брынцев и жалуется администрации вокзала на пропажу своего багажа, отправленного из Еревана в Загорск.

— Нет ничего удивительного, — спокойно отвечает вокзальный администратор. — Это у нас не единичный случай. Вам оно, может быть, в диковинку, а мы тут к этому привыкли.

«Мы тут к этому привыкли» не только на Курском, но и на Октябрьском вокзале. Капитан С. Алинов приехал из Приморья в Москву. Вещи отправил багажом. Долго ходил он на Октябрьский вокзал. О вещах ни слуху, ни духу. В конце концов вокзальная администрация вошла в положение капитана и дружески утешила его:

— Вы не волнуйтесь, товарищ капитан, и понапрасну не ходите к нам. Ваш багаж, видимо, украден...

«Мы тут к этому привыкли». Эти сухие и холодные слова слышны не только на вокзалах.

Давайте заглянем в Колдобинский район...

Легко сказать — «давайте заглянем». А как туда заглянуть, коли от станции железной дороги до Колдобинска километров шестьдесят! И на каждом километре грубо ориентировочно — сорок ям и ухабов, не считая кочек.

Едешь по суше, а чувствуешь себя, точно на море в штормовую погоду: то и дело подбрасывает тебя в поднебесье. Вот и подсчитай, сколько раз до Колдобинска этак, прыгая, прикусишь язык свой и сколько раз за этот срок помянешь добрым словом рачительных хозяев района.

Но хозяева района не поймут твоего возмущения:

— Это вам так кажется с непривычки. Ну, конечно, не Невский проспект. А всё же не так страшно. Мы вот ездим — и ничего... существуем.

Существует, к примеру, в городе Ухабинске прокурор. Он считает себя честным человеком и хорошим работником.

И вот этот честный человек и хороший работник в беседе со мной сказал между прочим. Именно — между прочим. Как будто речь шла о погоде или о том, что у соседа корова отелилась.

А сказал он, коснувшись в разговоре порядков в одном местном учреждении:

— Взяточки там...

И сразу начал говорить о чём-то другом. По всему чувствовалось, что «мы тут к этому привыкли».

Недавно я был в суде. Судья, милый человек, указав мне на двух посетителей, заметил:

— Вот видите этих двух? Уж третий год, как они ходят сюда. Всё судятся из-за жилплощади. Канительное дело.

И, улыбувшись, сострил:

— Я уже к ним даже привык...

Много у нас ещё скверных привычек! И не мало ещё у нас людей, которые так крепко привыкают к какому-нибудь безобразию, что начинают считать его чуть ли не украшением своей личности.

Ежели человек обжился, засох и без сердца взирает на неполадки и беспорядки, то будь он сам хоть трижды праведник, а уважения к нему быть не может.

Более того: вреден такой человек, страшен своими привычками.

Шли два приятеля вечернею порою.

— Ну, как жизнь молодая, Степан Капитоныч?

— Течёт, брат.

— Течёт?

— Сорок процентов крыш в моём районе течёт. Хе-хе...

Автор этого «хе-хе» заведует в районе коммунальным отделом. «Хе-хе...» — потому что они там, у себя в коммуналде, «к этому привыкли».

Г. РЫКЛИН

★

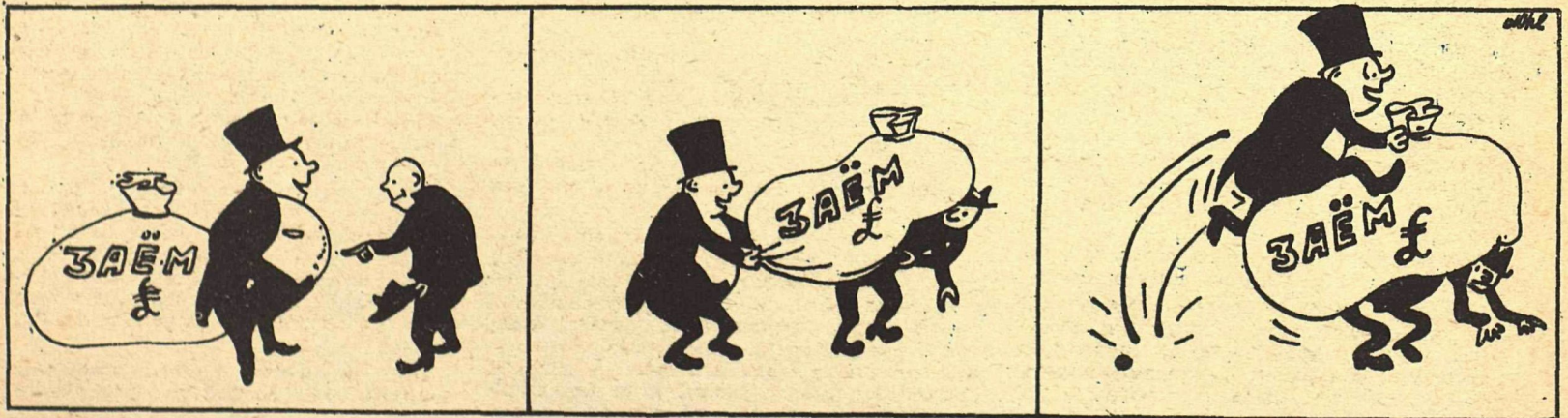
ТОДОР-СТРОИТЕЛЬ

(БОЛГАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ)

Тодор бодро стену строил,
Шла девица под горою,
Шла и грустно песню пела.
Тодор тут же бросил дело.
Рот разинул, песне внемля,
И свалился он на землю.
Повредил он руки, ноги,
Лёг и плачет у дороги.
— Что ты, Тодор, лёг и ноешь?
Что ты, лодырь, дом не строишь?
— Песню пела ты уныло,
Стало дело мне немило.
Тут девица так запела,
Что в нём сердце закипело.
Сбросил Тодор лень и одурь,
Захотел работать Тодор.
Как принялся Тодор строить, —
Дом поднялся над горою.
Под горой стоит девица,
На высокий дом дивится.
Дом красивый, дом-громада!
Вот что значит петь, как надо!

Перевел с болгарского

С. БОЛОТИН и Т. СИКОРСКАЯ

Послевоенная помощь.

(Из хорватского юмористического журнала «Керемпук»).

— Ну, как твой Петруша? Пишет?
 — Как же, пишет...
 — Что?
 — Докторскую диссертацию.

Растите — не оглядывайтесь!

СКАЖИТЕ, люди добрые, виноват ли я в том, что расти начал с самого младенчества и сразу же набрал довольно высокие темпы?

Лежа в колыбели и задирая ноги до самых ушей, я в своей беспечности не подозревал, что эти самые ноги придётся когда-нибудь прятать в брюки и что последние мне потребуются более метра длиной.

Не подозревал я и того, что мне придётся современем встретиться с минским швейнпромом, а его работники — люди маленькие и меряют на свой короткий аршин.

Вот теперь и приходится страдать из-за этой своей младенческой беспечности.

Глянул я напередни на свои брюки. Совсем они поистерлись, блестят, как зеркало. Да и не удивительно: на трёх-четырёх заседаниях ежедневно приходится сидеть. Голове ещё туда-сюда, а брюкам — достаётся.

Почесал я в затылке и пошёл покупать новые. Захожу в магазин готового платья — лежат брюки на полках и претлич-

«Крокодил» № 2.

ные: чёрный бостон. Прошу продавщицу показать. Подала, вижу: мальчишковые.

— Больших нет?
 — Нет. Все такие.
 — Может быть, позже будут?
 — Не будут. Швейнпром только такие выпускает.

— Чорт знает что! — говорю. — На лилипутов они шили, что ли?

— Вы сами виноваты, — улыбается продавщица. — Не надо было расти таким большим!

— Теперь, — отвечаю, — уже поздно говорить об этом. Но на штаны я всё-таки имею право?

— Как вы странно рассуждаете, гражданин, — даже обиделась продавщица. — Вы думаете только о себе, а швейнпром думает о промфинплане. И он его уже выполнил на сто десять процентов. А почему? А потому, что у них, как семьдесят сантиметров материала — так и штаны. А цена на брюки для взрослых одна и та же — длинные они или короткие. С такими же, как вы, попробуйте перевыполнить промфинплан!

— Что же мне всё-таки делать? — спро-

сил я, угнетённый её доводами. — Неловко же мне в таких брюках явиться на заседание, ну, хотя бы, скажем в то же Министерство лёгкой промышленности. Всё-таки я лицо, можно сказать, почтенное...

— Ну, знаете, швейнпром пьёт брюки, не глядя на лица. Но я вам дам совет: купите сразу две пары. Отрежьте от одних и притачайте к другим. Будете иметь брюки да ещё и трусы в придачу.

Я внял этому совету. Не потому, что он был особенно умён, а потому, что без брюк всё-таки неловко.

Так я и страдаю теперь и только потому, что не подошёл под швейнпромовские стандарты. Такова уж моя доля — тут ничего не поделаешь. Но всё мужское подрастающее поколение я предупреждаю: растите, детки, да оглядывайтесь. А, впрочем, не нужно оглядываться! Растите смело!

Пока подрастёте — швейнпромовские работники тоже подрастут. И поумнеют!

МАЦЕЙ ДОВГИЙ
 (Перевод с белорусского)

г. Минск.

БУДОРАЖКИНЫ

ПЕРВАЯ моя встреча с Будоражкиным произошла при следующих обстоятельствах. В некоем учреждении мне сказали:

— По коридору налево третья комната, тов. Будоражкин. Пусть он подпишет, тогда будем оформлять.

Я повернул по коридору налево, опознал третью дверь, открыл её и вошёл...

Коридор был вполне пристойным, подметённым, был украшен соответствующими табличками и плакатами. Естественно, что за дверью я ждал помещения в таком же вкусе. Но попал я в комнату, где вся имевшаяся в ней мебель находилась во вздыбленном состоянии: письменные столы, распавшиеся на составные части, громоздились один на другой; стулья, казалось, были подвешены под потолок; зато шкафы были повержены наземь; папки с бумагами лежали на полу, на столах, на стульях, на шкафах, приперты были к стенам и, кажется, прилеплены к потолку. Тучи пыли носились по комнате, словно здесь проводили мероприятие, в пустыне Сахаре известное под названием «самум». Среди этого великолепия около десятка людей как будто разыгрывали сцену автомобильной катастрофы: кто-то вопил, кто-то с кем-то ссорился, кто-то отдавал команду в духе безызыскной «Дубинушки» («Раз-два, взяли! Раз-два, сама пойдёт!»).

А я, как нарочно, залетел сразмаху в самую середину комнаты, и только после того, как меня чуть было не забодали остовом огромного дивана, я в испуге отпрыгнул в сторону и, потирая отдаленную ногу, спросил:

— Граждане!.. Товарищи!.. Как бы мне тут найти товарища Будоражкина?

И тут-то вынырнул из-за самого большого стола лысый человек с необыкновенно маленькими и необыкновенно быстрыми глазами. Он крикнул по адресу стола:

— Давай больше на себя!.. На попа его! — и только после этого обратился ко мне: — Ну, я Будоражкин. В чём дело?

Я кратко стал объяснять, в чём дело, и потому пострадал ещё раз: один из столов, не желая стать «на попа», очень грубо коснулся моего левого плеча...

Когда я несколько пришёл в себя, Будоражкин положил мне в руки ту самую бумагу, которую он должен был бы подписать, и произнёс:

— Ну, вот и хорошо, что вы пришли в себя почти без медицинской помощи. Сами видите: нам сегодня не до вас. Заглянете недельки через две, когда мы устроимся... — и, повернувшись ко мне спиной, он попрежнему принялся командовать: — Ну, куда вы его!.. Оттягивай на себя! Назад! Вали его!

У самых дверей комнаты я спросил пожилого человека в синих нарукавниках:

— Что это у вас делают?
— Стало быть, пересаживаемся внутри нашего отдела, — ответил человек, — новый наш заведующий тов. Будоражкин считает, что неправильно мы сидели, пока его здесь не было. Ну, вот пересаживаемся сегодня...

Я пришёл через две недели. Направился к знакомой мне третьей двери налево, но, ещё не дойдя до неё, тут же, в коридоре, оказался вовлечённым в водоворот людей и утвари. Не сразу можно было постигнуть, что по коридору передвигали несгораемый шкаф значительных размеров. Специально для сего назначенные люди, а равно доброты из всех комнат учреждения и из числа посетителей копошились вокруг шкафа, орали, тужились, ссорились, всем ансамблем декламировали: «Раз-два, взяли!» И надо всем ансамблем выделялся энергичный фальцет тов. Будоражкина:

— На себя оттягивай! Назад! На попа его!
Наученный горьким опытом, я попытался назад и тут увидел знакомого мне человека в синих нарукавниках.

— Всё ещё пересаживаетесь внутри отдела? — спросил я у человека.

— Зачем? — отозвался человек. — В отделе мы давно уж пересели, а тут тов. Будоражкин посчитал, что нам бы хорошо переехать в комнату планового отдела, а плановому отделу надо на наше место...

Когда мне понадобилось через полгода вновь навестить учреждение, где осуществлял свои передвижки тов. Будоражкин, я, уже подходя к дому, принял чрезвычайные меры предосторожности: издалека поглядел, не передвигают ли чего на крыше. Но на

крыше всё было спокойно. Затем я заглянул через стекло в двери во внутреннее помещение. Но и там всё было спокойно. Войдя в коридор, я прислушался. Ниоткуда не доносились звуки, которые могли бы обличить передвижение тяжёлой утвари внутри комнаты, но я всё-таки спросил на всякий случай у проходившей мимо сотрудницы:

— Товарищ Будоражкин теперь в какой комнате работает?

— А он у нас больше не работает, — сказала сотрудница.

— Как так? Почему?

— А кто его знает. Говорят, не сработался с директором, который не позволил ему котёл отопления передвинуть из подвала на чердак, а дымовые трубы — в подвал...

Сотрудница убежала по своим делам, а я храбро направился во внутренние комнаты, не боясь, что меня вплющит в стенку переезжающий на новое место кафедральный начальнический стол...

Однако сыскался след тарасов! Совершенно неожиданно я нателел на тов. Будоражкина по месту его новой работы.

На этот раз Будоражкин занимал должность, которой был присвоен отдельный кабинет с дверями, обитыми клеёнкой (клеёнка на двери — важный знак в определении высоты должности).

— У тов. Будоражкина сейчас совещание, — сказала мне секретарша, — придётся вам подождать.

Я стал ждать. И пока ждал, услышал, что говорилось на совещании (очевидно, клеёнка не вполне оправдывала себя и пропускала голоса из-за двери). Знакомый мне фальцет Будоражкина произносил:

— Значит, товарищи, я предлагаю утвердить такой план перемещения наших производственных мастерских: пошивочный цех с Карповской ул., 22, мы перекидываем на Чистельский пер., 13. Теперь: шорную мастерскую загоняем в освободившуюся базу пошивочников. Коптильный сарай на Люсиновской ломаем и отдадим картонажникам, а взамен оборуем новую коптильную в Кускове на базе имеющегося там бассейна.

И так полчаса кряду. Я не стал дожидаться конца, а потихоньку вышел из приёмной.

Прошло ещё некоторое время. Совсем в другой части города по другому делу нужно было мне найти некую артель «Швейнитка». И хоть адрес у меня был точный, никак я не мог разыскать эту самую «Швейнитку». На фасаде дома, где должна быть «Швейнитка», много было различных вывесок. А вот «Швейнитки» не было. Я читал всё, что можно было прочитать на стенах дома. Я расспрашивал всех, кого можно было спросить. Но «Швейнитка» как в землю ушла. И вдруг мне посчастливилось: протрусивший мимо меня пожилой служащий с хромоногими очками на носу на мой вопрос ответил так:

— Как же, есть тут такое учреждение — «Швейнитка». Только оно теперь изменило профиль и потому называется уже «Ипропетрушка».

— Как же оно получилось? — спросил я.

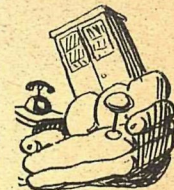
— Очень просто: пришёл к ним новый руководитель — некто тов. Будоражкин. Старый профиль ему не понравился. Он нарисовал новый профиль — именно в отношении производства игрушек и петрушек.

...Мне кажется, я часто встречаюсь со следами деятельности тов. Будоражкина. Если я вижу, что где-то зимой затеяли ремонтировать магазин и два месяца стоит так называемое «торговое помещение» обезлюдившее, вымерзшее, покрываясь пылью поверх незасохшей масляной краски или даже шпаклёвки (с чего она будет зимой сохнуть, шпаклёвка, что она дура, что ли?!), я думаю: «Не иначе, этот магазин возглавляется тов. Будоражкиным!».

...Когда я наблюдаю, как на протяжении месяца три раза переносят на одной и той же улице остановку трамвая и бедные пассажиры, не зная точно, где сегодня остановится вагон, принуждены патрулировать на расстоянии двух кварталов с тем, чтобы, когда подойдёт трамвай, на доброй рыси атаковать скользкую подножку, я говорю себе: «Смотри-ка! Будоражкин-то уже пробрался в Трамвайтрест!».

...Когда я вижу, как копают мостовую две недели кряду, затем засыпают канаву, но через неделю выроют опять и держат в открытом виде ещё полгода, я мысленно подмигиваю старому своему знакомцу Будоражкину: дескать, вижу, вижу, где ты теперь пристроился!.

...Когда... впрочем, стоит ли перечислять все подвиги Будоражкина?

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

РАЗГОВОР КВАРТЕТ-А-ТЕТ

(ОКЕРЦО)

Дружеские шаржи КУБРЫНИКОВ

Н. Я. МЯСКОВСКИЙ

Б. В. АСАФЬЕВ

К. Н. ИГУМНОВ

А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

Помня радости, которые
Он в концертах находил,
Юбилей Консерватории
Отмечает Крокодил.

Гряньте, звуки марша шумного,
И за сим, в минуту ту ж,
Гольденвейзера, Игумнова
И Асафьева — под туш!

— А для праздника таковского
(Чтоб поярче проходил)
Дайте музыку Мясковского!—
Воскликает Крокодил.

И — от даты независимо,
Не подсчитывая лет,—
Он приветствует фортиссимо
Сей блистательный квартет.

ШУМИТ ВЕНТИЛЯТОР!

Редакция журнала «Знамя» в декабрьской книжке (№ 11—12) напечатала критическую статью о современной лирической поэзии. Порицая поэзию «маленьких чувствований» и отсутствие в оной «социальной значимости», автор статьи Д. Данин, как пример, приводит стихотворение молодого поэта Ник. Старшинова:

«Налетали ветры с севера,
Наступили холода.
А меня сегодня радует
Незамёрзшая вода.
Над раскинувшимся озером
Наклонился рыжий лес.
Листья кружатся и падают
В отражение небес.
А идти ко дну шершавые
Не желают, не хотят...
Так по озеру и плавают,
Словно выводки утят».

«Смешно нападать на стихотворца, нуждающегося в простой литературной консультации, — заявляет в примечании к этим стихам критик Д. Данин, — а вот редакции «Октября», которая опубликовала эту «Осень», — пишет он дальше, — должно быть, вовсе не смешно, а грустно, потому что публикацией такой поэзии она порождает у молодых поэтов и у читателей совершенно ложные представления о требованиях нашего времени к лирике...»

«Шумит вентилятор лирической поэзии!» — саркастически восклицает автор в одном из разделов своей статьи.

Прочтя сию статью, мы попутно прочли лирические стихи другого молодого автора, в статье Д. Данина не процитированные. Желая помочь Д. Данину в его благородных намерениях, мы осмеливаемся процитировать вышеупомянутые стихи целиком. Автор их — Виктор Бершадский:

«МЫ СНОВА ВМЕСТЕ!

Морем казался зелёный луг,
Был треугольник письма как парус.
Города снился мне знойный ярус —
Море, море, море вокруг...
И на губах ветерок разлук.
Разве росли мы с тобой в пустыне?
В синих глазах твоих полдень синий.
Море, море, море, мой друг.
Робкая дрожь твоих милых рук —
Вот мы и вместе. Мы снова вместе.
Я не убит, не пропал без вести,
Море, море, море, мой друг».

Смешно нападать на автора этой «лирики», нуждающейся в консультации, но самое смешное — то, что стихи эти напечатаны в том же номере журнала «Знамя», где опубликована и статья Д. Данина, громящая безыдейность послевоенной лирики.

Вот уж подлинно: шумит вентилятор!

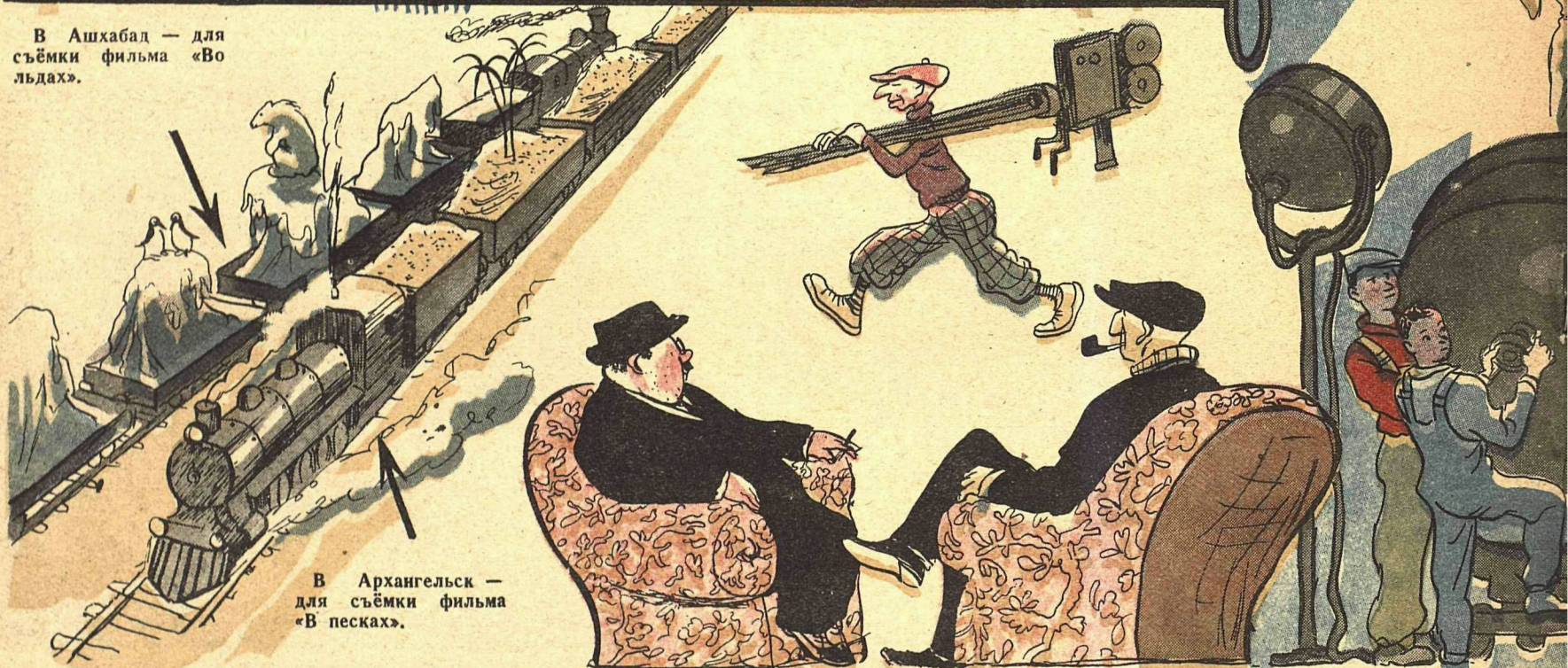
И. НИКАНОРОВ

ПОСЛЕ ПЕРЕЛИЦОВКИ
И УТЮЖКИ

— Что-то я вас не узнаю.
— Помилуйте, да я же герой вашего сценария.

В Ашхабад — для съёмки фильма «Во льдах».

В Архангельск — для съёмки фильма «В песках».

ВСТРЕЧНЫЕ
КИНОПЕРЕВОЗКИ

— Какой фильм он ставит? Цветной?
— Нет, довольно бесцветный.

А. КОЛОСОВ

КУТЯ

Г УЛЯЯ на свадьбе у соседей Емелькиных, Андрей Кутя хватил через край и три дня чувствовал себя тошно. К тому же у него разболелся живот, и эти дни он на работу не выходил, а либо лежал на кровати и негромко и задумчиво ругал кого-то зазорными словами либо сидел возле печи, глядел, как горят берёзовые дрова, закипают щи, доходит каша... Кутя жена Агафья работает на ферме старшей телятницей, она ухаживает туда ещё затемно, а возвращается только в поздние сумерки, так что за Кутей ухаживала его старенькая мамаша, чрезвычайно обожавшая своего сына. Она готовила Куте ряженку, подавала настоенную на чёрном перце московскую водку, жарила баранину. Кутя выпивал, закусьвал и размышлял.

Человек он не вполне стойкий и труженик невыдающийся; и эти три дня безделья, и отличнейшая перцовая настойка, и поджаренная баранина с хрусткими солёными огурцами выбили Кутю из колеи и как бы развинули его. Покуривая и глядя, как горят берёзовые дрова,

Кутя стал размышлять в том направлении, что вот он, мол, уже давно отработал положенный минимум трудней, а жена его Агафья, кроме прочего, получит богатую дополнительную плату, так на чорта ему торопиться на канительную всякую работу — возить с ферм навоз или делать из хвороста щиты, чтобы задержать на полях снег. Нет, до тепла, до ярого сева он поживёт вот так: тихо, благостно, без канители.

На четвёртый день Кутя оправился вполне и, позавтракав, надел кожан, а поверх кожан — бараний тулуп и вышел на крыльцо подышать свежестью. Стоял приятный морозец, медленно кружились снежинки. «Воздух-то! — подумалось Куте. — Ну прямо медицинский!» И в эту минуту увидел: по улице спешит куда-то бригадир Мосолов, несёт шестерёнку и строго поглядывает на крыльцо, на Андрея Кутю.

Медленным и будто трудным шагом Кутя спустился с крыльца, подошёл к бригадиру, проговорил скучно:

— Вот, Яков Семёныч, петрушка-то какая по-

лучилась: отравился наемни у Емелькиных грибом и уж вот четвёртые сутки животом маюсь, не дай бог.

— Понос, что ли? — недоверчиво сказал бригадир, глядя в ясные глаза Кутя, на порозовевшее, почти красивое его лицо.

Кутя ответил скорбно:

— Да и поносу-то настоящего нет, а такая-какая-то вроде перекись водорода.

* * *

Возчики выводят из конюшни лошадей, запрягают в розвальни, чтобы ехать в лес за хворостом. А подле конюшни стоит Кутя. В лес он не поедет (ему предлагали ехать, но он, показав на живот, проговорил: «Схватывает, аж криком кричи»), и дела у него тут никаких нет, однако он всё топчется около колхозников и неосторожно следит, как те надевают на лошадей комуты, затягивают супони... После того как он сказал о «схватках» (а у самого лица весёлое, беззаботное сытое), возчики уже не переговариваются с ним, не откликаются на его замечания и слово не видят его.

Обоз уходит, но Кутя ещё долго переминается с ноги на ногу, скучливо озирая небо и землю. Потом он вытягивает из кармана кисет и озабоченно крутит головой: «Эх, эх, а табачку-то я забыл подсыпать...»

— Вашему сценарию чего-то явно нехватает.
— А чего бы вы думали?
— Я думаю, моего соавторства.

Фото из фамильного альбома кинорежиссёра Семейкина.
(На фото: папа, жена, сын, дядя, свояченица, муж дочери, дочь).

А не мешало бы и в финансовую сторону направить прожектор.

Кадр из кинофильма того же режиссёра.
(На кадре: дочь, муж дочери, свояченица, дядя, сын, жена, папа).

По улице идёт артельный опытный Павел Глебов, глаза его устремлены на заречное взгорье: там сегодня началось снегозадержание. Кутя выходит на дорогу и, шагая рядом с Глебовым, рассказывает, что, идучи намеренно из Воронцовки, он, будто, видел, как со станции везли «чудную машину»: с этой стороны труба, с этой — вроде крыло такое маховитое, а в середине — малый мотор... И Кутя будто спросил шофёра: «Что это за чудная такая машина и куда ты её везёшь?..» Шофёр сказал: «Везу в Воронцовку, а что оно за петрушка такая, прямо не пойму...» Рассказывает всё это Кутя в надежде, что Павел Глебов заинтересуется новостью, станет спрашивать его о крыле, трубе и моторе и, спрашивая, угостит Кутю хорошим табачком. Но Глебов безмолвствует, и по презрительному прищурю его глаз видно, что он весьма не расположен беседовать с Кутей. Тот замедляет шаги и, разочарованно поглядев на шапку, на заячий воротник, на добротные брюки Глебова, сворачивает к кузнице. На лице его — обида и всё растущее чувство одиночества.

В кузнице Вавила Яковлевич Дымов, широкоплечий, большелобый, в кожаном фартуке, бьёт молотом по железному кружалу, накалённому до молочного цвета. Над кружалом мечется буря искр. За эти дни Кутя посещает куз-

неца уже третий раз. В первый раз Вавила Яковлевич беседовал с ним весьма участливо и посоветовал пить натошак кислую ряженку. Во второй раз кузнец разговаривал с Кутей уже гораздо менее охотно и поглядывал на него недоверчиво и даже сумрачно. Сейчас Кутя, войдя в кузню, тронул свою шапку, поздоровался с кузнецом и в чайнике табачка и хорошей беседы заговорил о праздничных премиях: будто он, Кутя, слышал, как председатель колхоза сказал счетоводу, что надо, дескать, поставить на общем собрании вопрос о премировании Вавилы Яковлевича.

Кузнец напустился и, не дослушав, угрюмо произнёс:

— От двери-то отойди, не стеклянный.

И ожесточённо забухал по кружалу:

Постояв, повздыхав («Эх, дела, дела!..»), Кутя бредёт к конторе. В эти утренние часы там идёт сосредоточенная работа: председатель вникает в разные текущие дела, бухгалтер сверяет цифры, шумит костяшками счетов и что-то пишет. Иногда в контору заходят бригадиры и животноводы, коротко беседуют с председателем и тотчас уходят. Кутя сидит у самой двери, он искательно смотрит в глаза проходящих колхозников, но те точно и не замечают его.

И на лице Кутя всё явственнее читаются тоска и растерянность.

Звонит телефон.

— Хорошо, очень хорошо! — кричит в трубку председатель. — Сейчас вышлю подводу.

И, обратившись к бухгалтеру, задумчиво выговаривает:

— Кого бы послать в Шумейкино за снегопахами? Миронов звонит, что они для нас три снегопаха сделали.

Бухгалтер задумывается.

Тишина.

— Ежели надо, так я могу, — глуховато говорит Кутя.

И, вскочив со скамьи, торопливо повторяет:

— Могу, ежели надо. Председатель изумлённо смотрит на Кутю, словно тот выскочил из-под пола, и озадаченно произносит:

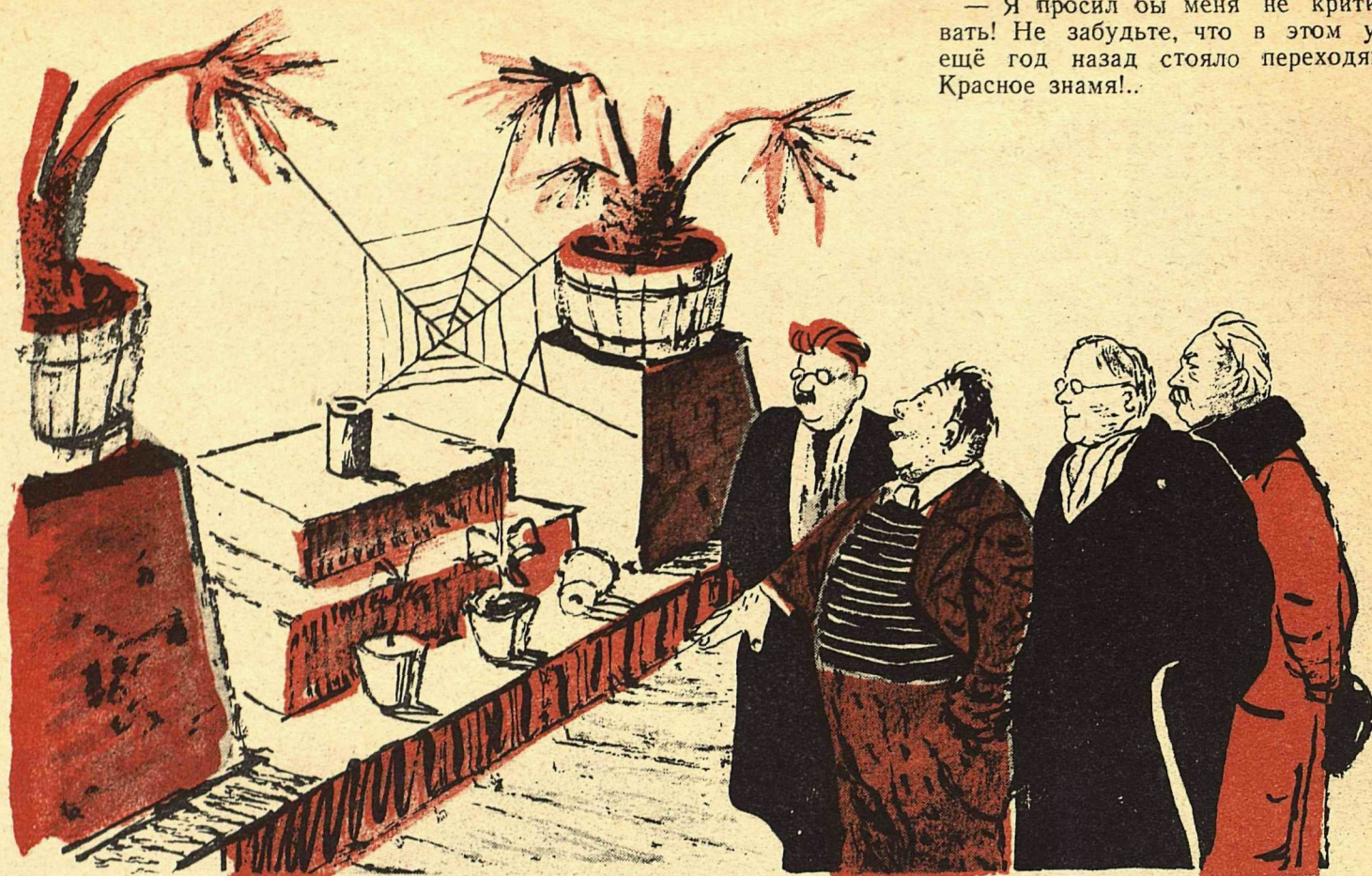
— Что ж, и в самом деле. Поезжай, Андрей Васильич. Бери сейчас лошадей и поезжай.

Кутя спешит к конюшне.

— Ну, давай, давай, запрягай! — кричит он конюхам. — А то пока едешь, пока довезёшь, тут и смерзнется.

И бежит на конюшню, спорит там с конюхами, размахивает вожжами, горячится.

— Я просил бы меня не критиковать! Не забудьте, что в этом углу ещё год назад стояло переходящее Красное знамя!..

РОКОВАЯ ИКРА

АВГУСТ месяц в Одессе выдался на редкость знойный. Таял асфальт на тротуарах под ногами прохожих. Казалось, обливаясь потом железный дук Ришелье на своём гранитном постаменте. И нет ничего удивительного, что пожилой взволнованный гражданин, стремительно вбежавший в дом № 97 по улице Чичерина под скромной вывеской «Контора ресторанов и буфетов Одесской железной дороги», являл собой вид человека, только что принявшего в полном облачении горячий циркулярный душ.

— Беда, товарищ Левченко! — прохрипел он.

— Ну-ну, — успокоительно сказал заместитель директора конторы. — Ну, что там такое? Землетрясение в девять баллов?

— Хуже, дорогой товарищ Левченко! — вскрикнул агент. — Гораздо хуже! В наш адрес... вот сейчас, сию минуту... в наш адрес прибыло из Московской центральной базы шесть тонн икры!

В конторе воцарилось долгое, томительное молчание. Заместитель директора мысленно переваривал совершившийся факт.

— Да что они там: с ума сошли? — сказал он наконец упавшим голосом. — Пригнать шесть тонн икры... Без предупреждения... В такую адскую жару, и когда им доподлинно известно, что у нас тут одна плешь вместо ледникового хозяйства...

Когда заместитель директора совместно с экспертом из облторгдела произвёл приёмку рокового груза, он пришёл в полное и окончательное расстройство чувств. Дорога везла злополучную икру не больше, не меньше, как 21 день (!) и вагон-ледник со скоропортящимся грузом несколько суток, в самую палящую жару, путешествовал без льда. Короче говоря, около полутора тонн нежного деликатеса прибыло к месту назначения уже в испорченном виде; остальные четыре с полови-

ной тонны прозили не сегодня — завтра издать подозрительный аромат.

Надо было действовать.

Агенты конторы атаковали в лоб все торговые организации города. Только и слышалось повсюду: «икра», «икру», «сколько пожелаете», «неограниченное количество» и тому подобное.

К великому огорчению тов. Левченко, хорошо задуманный план терпел неудачу за неудачей. Торговые организации города заняли прочную круговую оборону и, за немногими исключениями, не поддавались на скоропортящийся соблазн.

Злополучный Левченко мчался в гостиницу, где квартировал временно пребывавший в Одессе начальник его уважаемого плавка тов. Блоха.

— Реализуйте, реализуйте продукт! — бодро покрикивал Блоха. — Проявляйте здравую инициативу!

Но проявлять больше было нечего. Левченко и так можно сказать, рыл носом не только землю, но и море. Изрядная часть злополучной икры уже носилась по волнам на теплоходе «Украина», в рефрижираторе пловучего ресторана. И во всех черноморских портах — от Севастополя до Батуми — жалобно и зачастую безответно звучал голос директора пловучего ресторана Скаляренко: «Предлагаю икру кетовую!»

...В один из последних дней августа в контору ресторанов Одесской железной дороги вбежал, задыхаясь, уже знакомый нам агент.

— Говорят, у нас опять какие-то неприятности, Иосиф Михайлыч? — испуганно спросил он.

— Московская центральная база отравила нам ещё три тонны второсортной икры...

12 ноября по Главному управлению железнодорожных ресторанов и буфетов Юга был издан громовой приказ «О порче икры в конторе буфетов Одесской железной дороги». В приказе отмечались многоты-

сячные убытки, понесённые конторой, и большая часть этих убытков — 316 тысяч рублей — возлагалась на «преступную бесхозяйственность Левченко». Автор вышеупомянутого документа, известный нам тов. Блоха, сильно гневался, и приговор его был суров и беспощаден: Левченко с работы снять, привлечь к уголовной ответственности и предъявить к нему гражданский иск.

И только в последних строках своего приказа тов. Блоха менял гнев на милость, но это касалось уже других персон. Директору центральной базы плавка тов. Спектору отечески мягко предлагалось «не допускать одновременной отгрузки больших партий однородных скоропортящихся товаров без заявок контор и учёта их потребности». А начальнику отдела продовольственного снабжения тов. Губарёву столь же добродушно вменялось в обязанность установить за этим делом соответствующий контроль. Видимо, во всей истории с провонявшей икрой оба эти товарища играли роль безгрешных ангелов...

Прочитав приказ начальства, преступный Левченко тяжело вздохнул, собрал кой-какие документы и поехал в Москву, в Министерство торговли, искать справедливости.

Это было в ноябре. Но вы и сейчас можете встретить на центральной улице Москвы, недалеко от Министерства торговли, высокого, плотного блондина с благообразным лицом. Он идёт медленной, вялой походкой, как человек, который не знает, куда ему девать излишек свободного времени и куда самому деваться. И только когда он проходит мимо витрины «Гастронома», где среди прочих яств соблазнительно рдеет свежая кетовая икра, его благообразное лицо искажается судорогой и он наподаёт ходу, как будто за ним по пятам гонятся привидения.

М. ЛЬВОВ

Крот и сорока

(В А С Н Я)

Устав от земляных работ,
Из-под корней седого бука
В июльский полдень вылез крот,
На солнце щурясь близоруко.
— Ах, бедный, бедный, весь в поту!—
Вскричала на суку сорока.—
Ну разве можно вам, кроту,
Так изнурять себя жестоко?
Вы ж мастер, зодчий — и каков!
Прославлены по всем полянам.
Позвали б, скажем, червяков,
И роют пусть по вашим планам.
Нет! Вы совсем забыли свет,
Мой милый крот, вы постарели,
Живёте, как анахорет,
Женились, что ли б, в самом деле!
Ну, хоть на мне — прямой расчёт...
Смотрите, чем я не невеста?
— На вас нельзя,— ответил крот,—
Ведь вы, кума, пустое место.

Лев КОНДЫРЕВ

Новосибирск.

ОДНАЖДЫ...

КОРОТКО И ЯСНО

Однажды жена одного офицера пожаловалась Суворову на своего мужа:

— Ваша светлость, он со мной дурно обращается.

— Это меня не касается! — ответил полководец.

— Но он за глаза и вас бранит...

— А это, матушка, тебя не касается!

ВЕЖЛИВОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Однажды В. А. Жуковский, путешествуя по Швейцарии, отправился с друзьями на прогулку за город. Один из его спутников предложил взойти на гору и полюбоваться окрестным видом.

— Покорнейше благодарю,— ответил поэт.— С горами я обращаюсь всегда, как с дамами: пребываю у их ног...

ТОЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Однажды генерала Ермолова спросили:

— Скажите: каков в сражении полковник Штранге?

— Застенчив, — коротко ответил знаменитый полководец.

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

НЕ КАЖДОМУ СВОЕ

Легко талантливим,
Бездарным — легче вдвое.
Талант возьмёт своё,
Бездарность — и чужое!

САМОКРИТИКА С ОПЕЧАТКОЙ

В самокритическом порядке

Он обвинять себя готов

Во «вкравшейся в журнал досадной

опечатке»

(Размером в несколько листов!)

КАРЬЕРА ХАЛТУРЩИКА

Он, помню, был когда-то моден,

Статьи печатал здесь и там.

И вдруг признали: он негоден

По всем означенным статьям!

ШТАМПЫ И ШТЕМПЕЛИ

Мне подпись автора знакома,

Но трудно штампы различать:

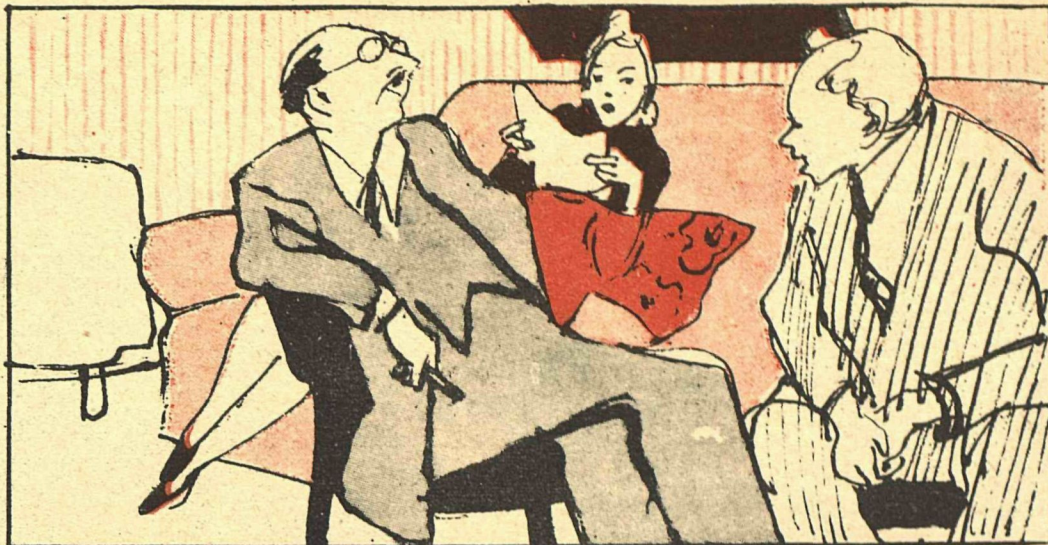
На пьесе штампель реперткома

Иль гениальности печать?

И. ВОЛГИН

ТВЕРДЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Рис. В. ГОРЯЕВА

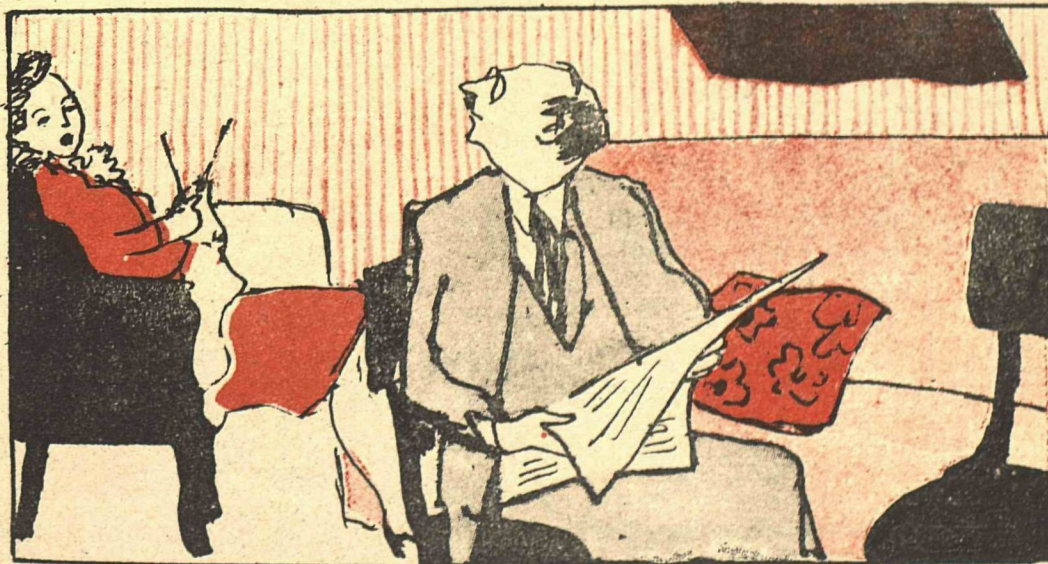
— Я считаю, что пьесу Энского напрасно обругали. Хорошая пьеса!

— Да, по-моему, ты прав.

— Я считаю, что пьесу Энского правильно обругали. Плохая пьеса!

— Да, по-моему, ты прав.

— Как же так, Коля? И этот у тебя прав и тот прав. Это же беспринципно.

— Да, по-моему, ты тоже права.

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Рис. Ю. ГАНФА

Ряд государств отзы-
вает своих послов из фран-
кистской Испании.

Все это
и и и и
и и и и
и и и и
и и и и

ФРАНКО: — Из всех неприятных
для меня отзывов за последнее время,
это, пожалуй, самые неприятные.

УВАЖИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Как искоренить растраты? Как бороться с растратчиками? Лучшие судебно-следственные умы Краснодарского края бьются над этими вопросами.

Есть один старый, давно всем известный способ — предать суду растратчиков и взыскать с них деньги. Но это, оказывается, очень хлопотный способ. Гораздо легче доказать, что растратчики почему-то не подлежат суду и взыскивать с них деньги — дело безнадежное.

Прокурор Армянского района, Краснодарского края, Текнеджян так именно и поступил. Как оправдаться, что у него в районе с растратчиков не взыскана 131 тысяча рублей? Главное — найти подходящую причину. Один растратчик скрылся — хорошо! На второго нет достаточных материалов — тоже хорошо! А что написать про третьего?

Третий — Терекьян, Георгий Карпович, — заведывал загопунктом и растратил 12 612 рублей. Почему задержалось следствие? Прокурор не растерялся и дал официальную справку, что растратчик «болеет по беременности». Причина, что и говорить, уважительная! Если все работники Краснодарской прокуратуры так же сильны в юриспруденции, как и в медицине, то с растратами в Краснодарском крае будет покончено скоро.

НЕДОРОГАЯ РАДОСТЬ

Вот живём мы с вами точно в глуши и не знаем, какое радостное событие произошло на станции Дно, Октябрьской дороги:

— В Дновское отделение дороги пришёл новый начальник — тов. Попович!

Только исключительной скромностью виновника торжества можно объяснить наше неведение об этом знаменательном событии. Тов. Попович ограничился тем, что о своём назначении известил по телеграфу только 150 организаций и лиц. Этой радостной вести общим счётом было посвящено всего лишь 32 800 телеграфных слов, и обошлись они в каких-нибудь 2980 рублей.

А что стоило тов. Поповичу оповестить о своём приезде на станцию Дно более широкий круг лиц? Поневоле приходится нам исправлять это досадное опущение и довести его до сведения всех читателей Крокодила.

ВОДЯНАЯ ФЕЕРИЯ

Старожилы ещё помнят, как в давние времена водовозы снабжали водой население Новгорода. Много воды утекло с тех пор. Настолько, повидимому, много, что водоразборные колонки, призванные заменить отживших свой век водовозов, не в состоянии выжать из себя ни одной капли воды.

А ведь Новгородский горсовет, думается, имел самые благие намерения, когда устанавливал в городе водоразборные колонки. И, действительно, поначалу они работали безотказно. Потом стали опускать воду только днём. А с наступлением зимы вовсе закапризничали и по нескольку дней в неделю бездействуют, заставляя новгородцев путешествовать за водой к реке Волхову.

А в это время горсовет заседает да заседает. Выступают ораторы. Говорят о городском благоустройстве. И столько воды в их речах, что её хватило бы с лихвой на все бездействующие колонки.

НЕПРИЯТНЫЙ РЕЗОНАНС

Приятно иногда потолковать с ценителем и знатоком театра, услышать несколько оригинальных мыслей, остроумных высказываний. Не скроем, нам повезло. Наднях мы встретились с таким театралом. Эта незабываемая встреча произошла на страницах газеты «Большевистская сталь» (Сталинск, Кемеровской области), где напечатана рецензия Д. Григорьева о спектакле «Таланты и поклонники» в постановке местного драматического театра.

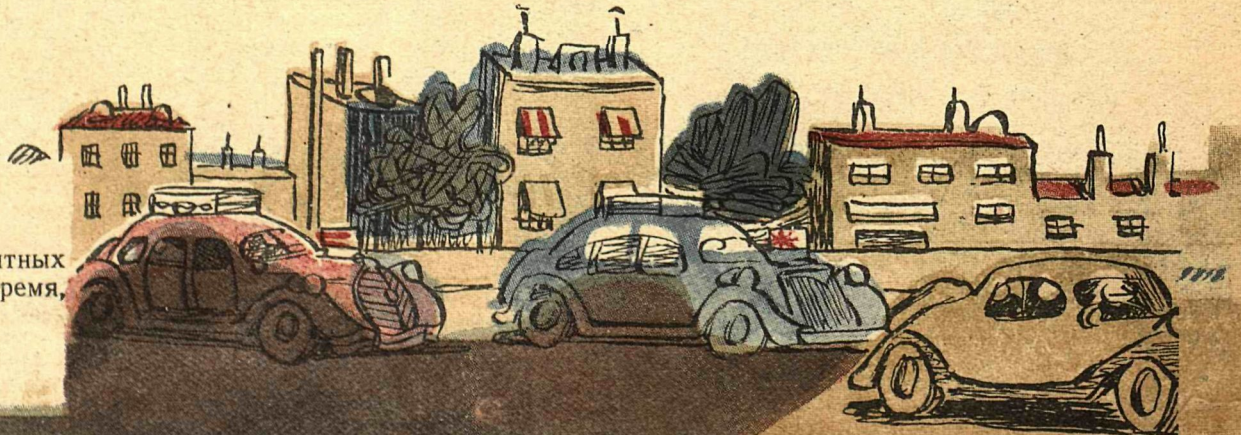
Среди прочих перлов особенно запомнились такие:

«В трактовке Румянцева хищник Великатов выглядит мягким доброжелателем».

«Матрёна артисткой В. Шадринной сыграна в форме шаржа, нередко переходящего установленные границы».

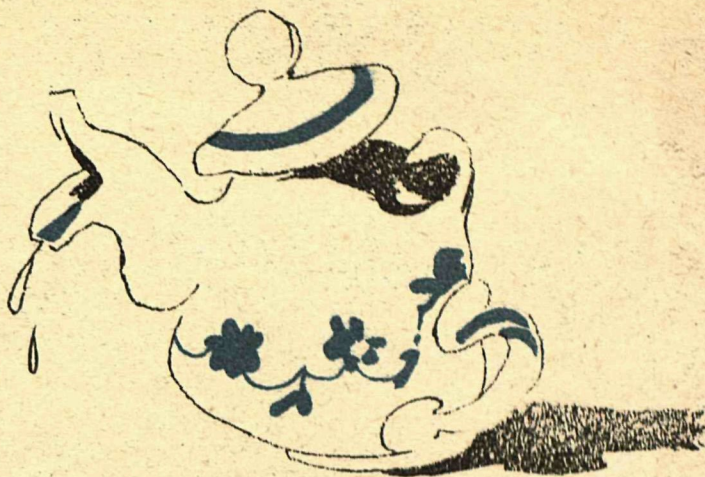
«Плохое впечатление оставляет манера Буллера выкрикивать слова. На фоне общего разговора эти крики дают неприятный резонанс».

Да, действительно, плохое впечатление оставляет манера Д. Григорьева писать рецензии, дающие неприятный резонанс.

И директор говорит о качестве...

...И качество говорит о директоре.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Методы штурмовщины на производстве, как известно, осуждены. Но управляющий трестом «Гундоровуголь» комбината «Ростовуголь» тов. Поляков нашёл выход из положения: он стал практиковать так называемые ДПД — дни повышенной добычи. Когда в печати было разъяснено, что это та же штурмовщина, управляющий придумал новую ширму: ДПЗ — дни погашения задолженности.

Чтобы разгрузить, наконец, тов. Полякова от поисков новых букв алфавита, мы предлагаем ему ПУШ — полностью уничтожить штурмовщину. Но для этого надо, разумеется, прежде всего, РУШ — руководить умело шахтами.

Без РУШ не будет ПУШ.

г. Каменск, Ростовской обл.

В. ПИСКАРЕВ

Дорогой Крокодил!

Народный судья 2-го участка Волжского района, Марийской АССР, Носкова считает, что для вынесения приговора вовсе не нужны ни народные заседатели, ни свидетели, ни даже обвиняемые. Нужна только фантазия, с помощью которой можно занести в протокол судебного заседания всё, что угодно судье. Что касается подписей народных заседателей, то и они Носковой ненужны: по далеко не точным данным, она уже подделала 86 подписей заседателей.

Из всего вышесказанного совершенно бесспорно следует, что вряд ли суду нужна и сама Носкова. Бесконечно жаль, что к этому выводу до сих пор не пришёл министр юстиции Марийской АССР тов. Софронов.

А. НИКОЛАЕВ,

секретарь исполкома Волжского райсовета

г. Волжск, Марийской АССР.

Уважаемый Крокодил!

Что-то, а оспориживание в Одесской центральной поликлинике поставлено образцово. Здесь каждого посетителя, без различия пола и возраста, встречают, как долгожданного гостя. Медицинский персонал жадно хватается за скальпель и вакцину и немедленно готов сделать прививку.

Я лично убедился в этом, придя в поликлинику, чтобы вызвать врача к заболевшим соседям по квартире.

— Привейте себе оспу, тогда вышлем врача! — услышал я ответ.

— Зачем? Ведь я не родственник больных и не живу с ними вместе. К тому же оспа у меня уже привита.

— Всё равно. Без прививки не видать больных врача, как собственных ушей.

Как говорится в таких случаях, обе высокодоговаривающиеся стороны ни к чему не пришли. Ни они мне не сделали прививки, ни я им не смог привить мысль, что нельзя так формально относиться к своим обязанностям.

ХАЙМОВИЧ

г. Одесса.

Дорогой Крокодил!

В Ставропольской гостинице имеется всё для уютного отдыха.

Но не смущайся, что на всю гостиницу один стул, что не топят и света нет никакого: ни электрического, ни керосинового. Всё это делается для удобства приезжих: пусть они не задерживаются на чужбине, пусть торопятся скорее к себе домой!

С наступлением сумерек гостиницу запирают и никого ни под каким видом до рассвета не выпускают. Это опять-таки в интересах постояльцев.

— Как бы чего не случилось впотымах!

Так что жаловаться, собственно, не на что. Да и некому. Ставропольские работники давно обзавелись постоянными квартирами и услугами гостиницы не пользуются.

П. БРОВКИН

Пятигорск.

Товарищ Крокодил!

Вероятно, все красноярцы, занимающиеся утренней зарядкой по радио, должны выгладеть в твоих глазах лежебоками и лентяями. Ещё бы! Ежедневно, в 12 часов 15 минут, нас бодро приветствует радио «с добрым утром» и призывает скинуть одеяло. А в 12 часов 35 минут, после всех упражнений, переходить к водным процедурам.

В чём дело? Да очень просто. Новосибирский радиокomitee транслирует по утрам из Москвы для Красноярского края уроки гимнастики. А утро в Москве, как известно, наступает гораздо позже, чем у нас.

Вот и получается: вместо того, чтобы слушать по радио в полдень концерт или ещё что-нибудь, нас угощают приседанием на носках с глубоким вздохом через нос.

В. ТОЛЯРЕНКО

г. Красноярск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В Крокодиле было приведено безграмотное извещение баксайской районной газеты «Большевистский путь». Решением Кабардинского обкома ВКП(б), редактор газеты Гендугов снят с работы.

♦ Читатель Крокодила тов. Неказистый написал нам о том, что председатель Туапсинского горсовета Шпак безучастно относился к серьёзным недостаткам в коммунально-бытовом обслуживании населения. Письмо тов. Неказистого подтвердилось. Решением Краснодарского крайисполкома тов. Шпак от работы освобождён.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 58. Подписано к печати 23/1 1947 г. Стаформат 72 × 105 см. Печ. л. 1 1/2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

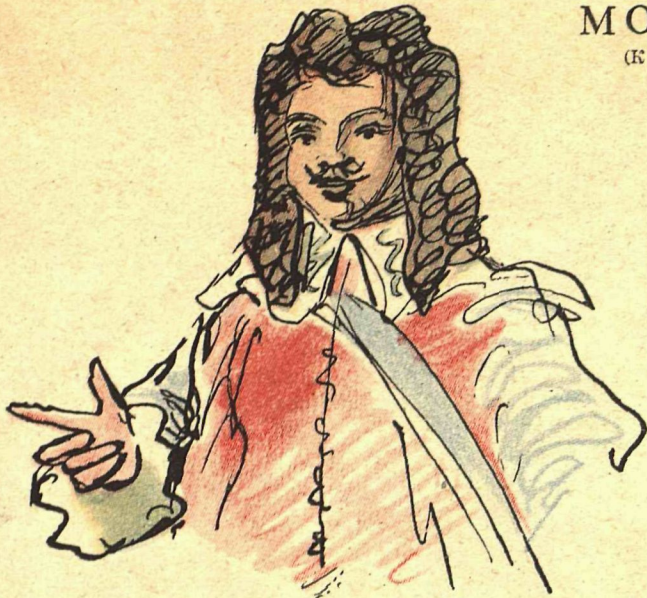
А — 00354. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 150 000 экз. Заказ № 198.

МОЛЬЕР НЕ УСТАРЕЛ!

(К 325-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

ВСЕОБЩАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Объяв. №3,
1946 г.

Рис. Л. БРОДАТЫ

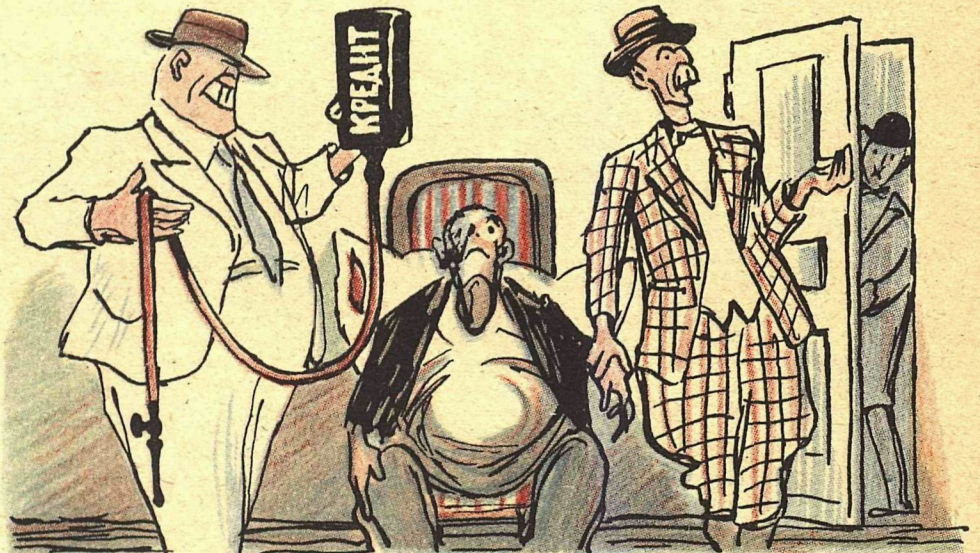
— Я—только прошлое? Я нынче—не у дел?
Вы, сударь, шутите. Мольер не устарел.
Взгляните пристальней: о, нет, не только сцена
Кишит героями весёлого Поклена.
Сквозь три столетия на вашу жизнь взглянув,
Своих героев в ней я вижу.

Скапен — в Америке, к Леандру — ни ногой,
Сменил хозяина: у Херста стал слугой.
Он, этот плут, хоть очень мелки
Его газетные проделки,
Средь крупных числится фигур
И врёт пословно: доллар — слово.
(Но только — лживое).

Давно ль, припомните, притворщик мой
Тартюф
В речах предвыборных втирал очки Парижу?
«Друг демократии», он в глубине души
Скорбит о прошлых днях Виши.

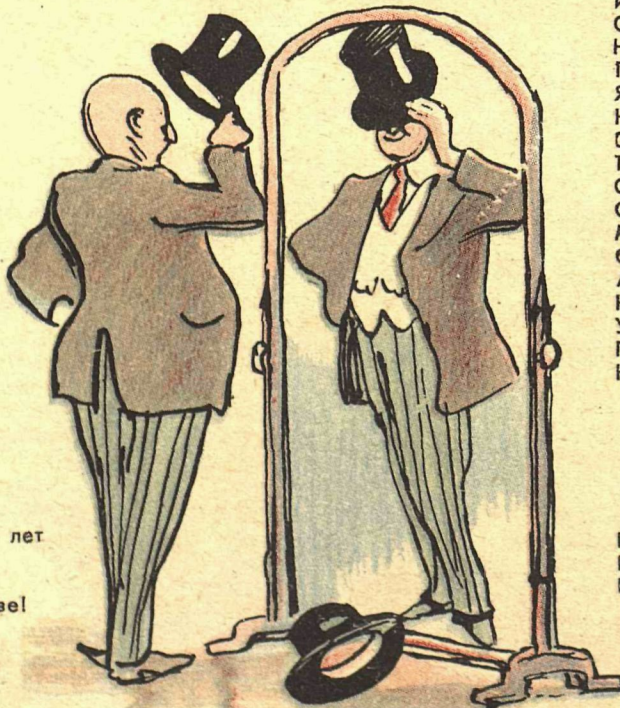

Вот вновь Европа — Рур,
Где лечат мнимого больного
И, не жалея ничего,
Спешат (известно, что фон Боллен
Неизлечимо Круппом болен)
Поставить на ноги его.
Я слышал: фирма Гарпагона
К нему довольно благосклонна.
Скупой старик, свершив с трудом
Трансокеанскую прогулку,
Открыл в Америке... вы думали, шкатулку?
О, нет, — большой банкирский дом.
Международным став банкиром,
Он помышляет править миром!
А мизантроп мой?.. Мизантропы
Кой-где имеются и в нынешние дни.
Ум человечества не ставят в грош они,
Пугают «гибелью Европы»,
Не слыша нового... не видя новых дел...

Вот в новом, английском убранстве
Гуляет мой Журден. Тщеславен с давних лет
Он бредит званьем «баронет» —
Всё тот же мещанин... нет, лейборист
в дворянстве!

Двух разных партий фаворит,
Он, щеголяя левой позой,
И сам не знает, что часто говорит
Консервативнейшею прозой.

Нет, право же, доньше жизни сцена
Кишит героями весёлого Поклена.
Признайте, сударь мой: Мольер не устарел!
Эмиль КРОТКИЙ